

ПОЭТИКА ЖЕСТА
В ПОВЕСТИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО *КРОТКАЯ*

КСЕНИЯ ОТЕВА

Российский государственный институт сценических искусств
Кафедра литературы и искусства
ул. Моховая, 34, 191028, г. Санкт-Петербург, Россия
e-mail: kseniia.oteva@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6141-6443>
(получено 12.09.2019; принято 9.10.2019)

Abstract

Poetics of Gesture in Dostoevsky's Novel *A Gentle Creature*

The paper studies poetics of gesture in *A Gentle Creature* by Dostoevsky. Characters' body and facial expressions are seen as replies in the non-verbal dialogue between protagonists. Dynamics of the key kinetic complexes is described: gestures of looking reveal the desire to understand the other, mocking gestures mark the theme of vanity and movement to/from each other shows the will to establish or avoid the dialogue. It is concluded that the eponymous Gentle Creature expresses her view of the world not through words, but rather through gestures, which are recalled and re-interpreted by the narrator.

Key words: *A Gentle Creature*, Dostoevsky, dialogue, facial expression, gesture

Резюме

Статья посвящена поэтике жеста в повести Достоевского *Кроткая*. Телесные и мимические движения интерпретируются как реплики в невербальном диалоге между героями. Описана семантика ключевых кинетических комплексов: жесты смотрения связаны с желанием понять другого, жесты насмешки – с те-

мой гордыни, жесты движения то навстречу друг другу, то прочь – с приглашением к диалогу или отказом от него. Сделан вывод о том, что точка зрения на мир Кроткой в повествовании явлена не столько через ее прямое слово, сколько через жесты, которые припоминает и заново интерпретирует рассказчик.

Ключевые слова: *Кроткая*, Достоевский, диалог, жест, мимика

В широком смысле жест в литературе – это любое зафиксированное автором кинетическое или мимическое движение персонажа. По определению Г.Е. Крейдлина, под жестом следует понимать единицу телесной моторики человека – «значимые движения рук, ног, корпуса или лица» (Крейдлин 2002: 46). К.Г. Исупов подчеркивает, что «„внутренней формой” жеста является свернутое высказывание»: улыбка, взгляд, поза человека прочитываются как невербальные реплики (Исупов 2015: 146).

Впервые поэтика телесного в произведениях Достоевского была описана в статье И.З. Белобровцевой *Мимика и жест* у Достоевского (1978 г.). Исследовательница обратила внимание на то, что пластика героев в произведениях писателя часто идет в разрез с нормальной психологической реакцией на событие (Белобровцева 1978: 197). Р.Г. Назиров в статье *Жесты милосердия* в романах Достоевского (1983 г.) задал направление исследования жестов у Достоевского как проявления христианской «символизации быта» (Назиров 2005: 128). Продолжая эту традицию, ученые сегодня противопоставляют сакральные и профанные жесты в романах писателя. С.Б. Пухачев, например, показывает, что герои, способные к прозрению и постижению Божественной правды, совершают мистериально наполненные жесты; в моменты же отпадения от истины происходит «искажение самой сути сакрального жеста» (Пухачев 2006: 11). По мысли В.И. Габдуллиной, вводя в повествование ритуально окрашенные жесты поклона и поцелуя, автор задает в произведении религиозную норму. Эти же жесты, показанные исключительно в бытовом ключе, символизируют нравственное искажение идеала (Габдулина 2008: 51).

Таким образом, жесты в произведениях Достоевского часто понимаются как своего рода символический код, расшифровка которого ведется в контексте представлений о христианском мировоззрении писателя. Уклон в изучение мистериального наполнения телесного заставляет достоевсковедение недооценивать его психологический аспект, а также художественную роль в развитии сюжета произведения. Между тем, в повести *Кроткая* невербальное взаимодействие Закладчика и Кроткой – важнейший уровень диалога между героями.

Повесть построена как постепенное припоминание героем событий, приведших к страшной трагедии. Повествование переполнено указаниями на жесты, причем у Закладчика и Кроткой сходная партитура телесного поведения: кинетический рисунок их образов складывается из жестов смотрения, насмешки и движения. Жесты смотрения связаны с желанием понять другого, проникнуть в его внутренний мир; жесты насмешки, напротив, – с отказом от понимания

и любовного принятия. Жесты движения то навстречу друг другу, то, наоборот, прочь задают ритм притяжений и отталкиваний между двумя людьми, которые то делают шаг к диалогу, то замыкаются в молчании. Фабула всех этих жестов образует высказывание: Закладчик и Кроткая поочередно пытаются сблизиться, но вместо этого неуклонно отдаляются.

Попытка героя постичь чужую точку зрения на мир, правду другого, приведшую к страшной трагедии, начинается со взгляда на тело мертвой женщины. Жест взглядывания приобретает в контексте повести метафизическую глубину. Зарождение чувства к другому человеку герой выражает через слово, связанное со зрением: «Тут-то я и заметил ее в первый раз особенно» (Достоевский 1982: 7). Далее он пристально наблюдает за героиней, пытается предугадать ее реакции на свои слова и поступки, фиксирует каждое мимическое движение. Исповедуясь перед воображаемыми слушателями, он признается, что его взглядывание в другого не было бескорыстным: он хотел не столько понять внутренний мир Кроткой, сколько научиться управлять им. Жест смотрения у Закладчика связан как с любовью и любованием, так и с установлением своей власти. Попытки манипулировать в контексте рассказа соединены с мотивом ослепления: пока Закладчик взглядывается в Кроткую, чтобы контролировать ее чувства и мысли, он неспособен увидеть мир с ее точки зрения.

Припоминая первые встречи с Кроткой, рассказчик несколько раз указывает на жесты насмешки, которые в контексте его сознания соотносятся с темой гордыни. Герой «позволил себе усмехнуться на ее вещи» (Достоевский 1982: 7), подчеркивая ничтожность принесенного заклада. Унижение Кроткой вызывает его торжествующий смех. По мере развития действия жест насмешки уходит из мимического репертуара героя, но импульс осмеяния растворяется в его слове: по наблюдению М.М. Гиршмана, в речи Закладчика «гордость» и даже издевка становятся особой ритмико-интонационной линией» (Гиршман 1982: 333).

Первый интерес к Закладчику выражается у Кроткой в жесте взглядывания. Цитата из Гете заставляет героиню впервые увидеть в ростовщике человека: «Она быстро и с большим любопытством, в котором, впрочем, было много детского, посмотрела на меня» (Достоевский 1982: 9). Жест смотрения равносителен установлению контакта с другим. Вместе с тем, «насмешливая складка» (Достоевский 1982: 9) на лице отражает ее глубокое сомнение в том, что ростовщика можно уважать и любить. Кроткая внимательно взглядывается в лицо Закладчика, пытаясь обнаружить в нем человечность, которую он прячет за маской холодности и строгости, и в то же время насмешкой защищает от цинизма его поведения и профессии. Скепсис Кроткой в отношении другого, приобретая по ходу повествования экзистенциальный масштаб, постепенно разрастается до неверия в возможность подлинного диалога и понимания между людьми.

Н.Г. Михновец, размышляя о диалоге сознаний в повести Достоевского, писала о неслиянности голосов Кроткой и Закладчика: точка зрения героини в произведении «явлена опосредованно, как бы внутри повествования от первого лица, как бы внутри «точки зрения» героя» (Михновец 1996: 162). По мысли исследовательницы, в акте припоминания событий, приведших к самоубийству

Кроткой, Закладчику открывается возможность существования принципиально иного мировидения. При этом в произведении не так много диалогов, где Кроткая говорит, и нет ни одного развернутого высказывания героини о том, что она думает и чувствует. Правда Кроткой прорывается в повествовании не столько через ее прямое слово, сколько через жесты. Закладчик скрупулезно восстанавливает их в памяти, но его понимание ограничено. Рассказывая о сватовстве и первых днях брака, он описывает горячность и порывистость Кроткой через слова с семантикой движения навстречу: «были порывы, бросалась обнимать меня» (Достоевский 1982: 15). Он видит в этом свидетельство того, что жена подчинится ему и будет его любить. Но в этом спонтанном проявлении теплоты можно обнаружить и другое послание, которое игнорирует Закладчик, – желание инициировать диалог. Вместо того, чтобы откровенно рассказать о себе, Закладчик язвительно нападает на ценностный мир Кроткой: критикует великодушные молодежи, провозглашает диктат денег в семейной жизни. Повествуя о ее реакции на эти разговоры, Закладчик не восстанавливает в памяти ее ответные реплики, зато дважды почти в одних выражениях описывает, как она смотрела на него: «Раскрывала большие глаза, слушала, смотрела и умолкала» (Достоевский 1982: 13); «потом начала примолкать, совсем даже, только глаза ужасно открывала, слушая, большие, большие такие глаза, внимательные» (Достоевский 1982: 14). Кроткая как будто не может поверить, что в словах героя заключена окончательная правда о нем. Жест смотрения выражает напряженное желание заглянуть в душу собеседника.

По плану героя, любовь Кроткой должна пройти через испытание – разглядеть человека за образом презираемого всеми ростовщика. Он парадоксально надеется, что любящая женщина оправдает его вопреки тому, что он говорит и как себя ведет, и разглядит благородство за показным цинизмом, великодушные – за черствостью. Кроткая хочет того же самого, но не может пробиться к внутреннему человеку, спрятанному за внешним поведением героя. Жесты насмешки выражают неприятие молодой женой того образа мужа, который он для нее создал: «я вдруг увидал улыбку, недоверчивую, молчаливую, нехорошую» (Достоевский 1982: 14). По мере нарастания отчуждения между супругами Закладчик все чаще ловит на лице Кроткой ироническое выражение: она начинает «фыркать» на мелочность и скудость жизни в его доме, отчетливее становится «насмешливая складка» (Достоевский 1982: 15). Насмешка – это демонстративный жест, направленный на разрушение принятой героем риторики молчания.

Бунт Кроткой – отчаянная попытка заставить другого заговорить. Она с вызовом спрашивает Закладчика о прошлом, пытаясь больнее задеть его и тем самым подвигнуть к диалогу. Насмешливая улыбка превращается в злобный хохот. Закладчику кажется, что жена «жаждет унижительных (...) объяснений» (Достоевский 1982: 19), не понимая, что она дошла до отчаяния и «жаждет» разговора вообще. «Бунтующие» жесты Кроткой связаны с развитием мотива движения: она бьет носком по полу, топает ногами, демонстративно уходит из квартиры. Но Закладчик ни разу не выходит из себя в ответ на ее провокации. Нарочитое отсутствие жеста становится маской, под которой он тщательно

прячет от жены свою душу: герой подчеркивает, что в ответ на истерический припадок «даже не сделал движения» (Достоевский 1982: 17).

Р.Н. Поддубная отметила, что в свидании Кроткой с Ефимовичем тоже есть диалогическая мотивировка – желание понять историю Закладчика: „Она пытается обнаружить содержание их конфликта, чтобы определить свое к нему отношение и свое в нем место, чтобы стать либо на сторону мужа, либо на сторону «мира», «общественного мнения»” (Поддубная 1978: 64). Но, как пишет исследовательница, вопрошание героини не увенчивается ответом, после разговора с Ефимовичем она по-прежнему не понимает, что за человек ее муж. Вернувшись со свидания, Кроткая убеждена в неизбежности объяснения. В одном абзаце несколько раз повторяются жесты смотрения, показывающие, что она напряженно ждет от Закладчика реакции: «Придя домой, она села на стул и уперлась в меня взглядом», «смотрела она уже с торжественным и суровым вызовом» (Достоевский 1982: 20). Однако Закладчик игнорирует приглашение к разговору.

Уход от объяснения становится последней каплей, после которого Кроткая берет в руки револьвер. Кинетическое интонирование сцены с револьвером построено на жестах смотрения: герой, встретившись взглядом с женой, плотно закрывает глаза. В контексте повести, где смотрение связано с мотивом понимания, решение Закладчика закрыть глаза на то, что жена подняла на него оружие, можно интерпретировать как нежелание услышать ее боль и отчаяние. Так же решительно Закладчик отказывается Кроткой в ее безмолвной просьбе о великодушии и доброте. В сцене с самоваром Кроткая последний раз смотрит на Закладчика с надеждой на понимание; жест насмешки и жест смотрения превращаются в отчаянную мольбу о помощи: «и вдруг, видя, что я смотрю на нее, она бледно усмехнулась бледными губами с робким вопросом в глазах» (Достоевский 1982: 22). Однако Закладчик «равнодушно отвел глаза» (Достоевский 1982: 22). После этого Кроткая теряет надежду на возможность понимания и окончательно отстраняется от мужа.

Осознав, что жена забыла о нем, Закладчик становится инициатором диалога, которого она отчаянно добивалась в начале истории. Жесты героя описывают его устремленность по направлению к Кроткой, желание преодолеть установившийся между ними барьер: он падает к ее ногам, берет ее за руки. Однако теперь героиня отстраняется от мужа, препятствует сближению: «Она опять вздрогнула и отшатнулась» (Достоевский 1982: 28). Описывая спонтанное мимическое движение на лице жены, Закладчик использует определение «строгое удивление» (Достоевский 1982: 28) – в литературоведении уже писали о том, что эта жестовая деталь рифмуется со строгостью в воспитательной системе Закладчика, которую он многократно подчеркнул в начале рассказа (Гиршман 1982: 334; Пис 1997: 193).

В достоевковедении звучала мысль о том, что в душе Закладчика не происходит возрождение, он по-прежнему пытается навязать Кроткой свою волю. Так, по мысли Т.А. Касаткиной, герой не способен к равенству в любви, и, падая на колени перед женой, он навязывает ей отношения идола и идолопоклонника (Касаткина 2015: 418). Жесты героя действительно

указывают на его стремление вознести Кроткую над собой, чему она противится – сцены целования ног заканчиваются истерическими припадками. Но в то же время в кинетическом рисунке Закладчика есть жест, указывающий на глубину его раскаяния и сострадания: заламывание рук над спящей женой – знак осознания своей вины и готовности к возрождению: «Я ломал руки над ней, смотря на это больное существо на этой бедной коечке» (Достоевский 1982: 29).

Описывая реакцию жены на его внезапный выход из молчания, Закладчик использует характеристики, которые можно отнести к «странным» жестам по определению Белобровцевой (Белобровцева 1978: 197); они указывают на глубокие переживания в душе героини, но не позволяют точно описать их суть: «она странно смотрела на меня, дико даже, она хотела что-то поскорее понять и улыбнулась», «стала вдруг смеяться от стыда» (Достоевский 1982: 28). Трагедия Закладчика заключается в том, что хоть он и пытается смотреть на Кроткую по-новому – не для того, чтобы управлять ею, а чтобы постичь ее внутренний мир – но ему не хватает метафизического навыка ведения диалога. Он по-прежнему не способен понять того, кого любит. Тема невозможности понимания символически выражена через слова с семантикой смотрения. Рассказчик «не смотрел на просьбы» (Достоевский 1982: 29) Кроткой не вспоминать прошлое. Герой утопически надеется, что, выговорившись, он мгновенно обретет диалогически настроенного слушателя. Однако отклик, который произвела в душе героини исповедь, остается в повести тайной, его трудно понять по странным жестам героини.

Кинетическое интонирование образа Кроткой в последних главах противоречиво: истерические припадки указывают на неприятие отношений, которых теперь хочет Закладчик. Но наряду с жестами отвержения в телесном поведении Кроткой есть жесты, направленные на сближение с героем. Ее улыбка перестает быть насмешливой и дает Закладчику надежду на понимание и прощение: «Она на другой же день слушала меня уже с улыбкою, несмотря на замешательство» (Достоевский 1982: 29). В разговоре о книгах Кроткая смеется «детским смехом, милым, точно как прежде в невестах» (Достоевский 1982: 30). Кроме того, Кроткая несколько раз сама берет его за руки – жест установления физического контакта говорит о возможности преодолеть катастрофическую разобщенность героев.

Закладчик не может до конца истолковать жесты Кроткой, так же как он не может постичь ее душу. В образе героини остается тайна, не понятая ни рассказчиком, ни читателем. Жестовый рисунок в сцене последнего разговора Закладчика и Кроткой оставляет надежду на их примирение и взаимное принятие. И.А. Есаулов подчеркивает, что самоубийство жены именно потому и причиняет герою «предельное горе», что совершено ею внезапно и непредсказуемо, «в момент ожидания им счастья» (Есаулов 2018: 83). Кроткая делает шаг по направлению к мужу и складывает руки в покаянном жесте. Герой воспринимает это как знак воссоединения, обещание дальнейшего диалога на равных, поэтому отвечает на ее покаяние объятием и поцелуем. Однако поцелуй неожиданно оказывается роковым жестом, после которого героиня

решается на самоубийство – окончательный выбор движения по направлению от Закладчика: «шагнула» за окно и «бросилась» вниз (Достоевский 1982: 33).

На жестовом уровне в произведении разворачивается экзистенциальная трагедия несостоявшегося диалога. Закладчик и Кроткая надеются обрести в фигуре другого понимание и любовное принятие. Даже когда они молчат, на языке мимики и жестикующей между ними постоянно идет невербальное взаимодействие. Однако героям не удается преодолеть роковое несовпадение: когда один из них пытается инициировать прямой и открытый диалог, второй замыкается в молчании и одиночестве.

Библиография

- Belobrovceva, I.Z. (1978). *Mimika i žest u Dostoevskogo*. V: Fridlender, G.M. (Red.). *Dostoevskij. Materialy i issledovaniâ*. Т. 3. Leningrad: Nauka: 196–204 [Белобровцева, И.З. (1978). *Мимика и жест у Достоевского*. В: Фридлиндер, Г. М. (Ред.). Достоевский. Материалы и исследования. Т. 3. Ленинград: Наука: 196–204].
- Dostoevskij, F.M. (1982). *Polnoe sobranie sočinenij: v 30 tomah*. Т. 24. Leningrad: Nauka [Достоевский, Ф.М. (1982). *Полное собрание сочинений: в 30 томах*. Т. 24. Ленинград: Наука].
- Esaulov, I.A. (2018). *Hudožestvennyj mir Dostoevskogo v svete oppozicii «ûrodstvo/šutovstvo» i poziciâ Bahtina: na materiale fantastičeskogo rasskaza «Krotkaâ»*. *Dostoevskij i mirovaâ kul'tura*, 36: 75–86 [Есаулов, И.А. (2018). *Художественный мир Достоевского в свете оппозиции «юродство/шутство» и позиция Бахтина: на материале фантастического рассказа «Кроткая»*. *Достоевский и мировая культура*, 36: 75–86].
- Gabdullina, V.I. (2008). *Semiotika žesta v poëtičeskoj sisteme Dostoevskogo: sakral'noe i profannoje*. *Sibirskij filologičeskij žurnal*, 3: 46–51 [Габдуллина, В.И. (2008). *Семиотика жеста в поэтической системе Достоевского: сакральное и профанное*. *Сибирский филологический журнал*, 3: 46–51].
- Giršman, M.M. (1982). *Ritm hudožestvennoj prozy*. Moskva: Sovetskij pisatel' [Гиршман, М.М. (1982). *Ритм художественной прозы*. Москва: Советский писатель].
- Išupov, K.G. (2015). *Žest. Universum: Vestnik Gercenovskogo universiteta*, 1–2: 146–150 [Исупов, К.Г. (2015). *Жест. Universum: Вестник Герценовского университета*, 1–2: 146–150].
- Kasatkina, T.A. (2015). *Svâšennoe v povsednevnom: dvusostavnyj obraz v proizvedeniâh F.M. Dostoevskogo*. Moskva: IMLI RAN [Касаткина, Т.А. (2015). *Священное в повседневном: двусоставный образ в произведениях Ф.М. Достоевского*. Москва: ИМЛИ РАН].
- Krejdlin, G.E. (2002). *Neverbal'naâ semiotika. Âzyk tela i estestvennyj âzyk*. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie [Крейдлин, Г.Е. (2002). *Невербальная семиотика. Язык тела и естественный язык*. Москва: Новое литературное обозрение].
- Mihnovec, N.G. (1996). «Krotkaâ»: *literaturnyj i muzykal'nyj kontekst*. V: Budanova, N.F., Fridlender, G.M. (Red.). *Dostoevskij: materialy i issledovaniâ*. Т. 13. Leningrad: Nauka: 143–167 [Михновец, Н.Г. (1996). «Кроткая»: *литературный и музыкальный контекст*. В: Буданова Н.Ф., Фридлиндер, Г.М. (Ред.). *Достоевский: материалы и исследования*. Т. 13. Ленинград: Наука: 143–167].
- Nazirov, R.G. (2005). *Russkaâ klassičeskaâ literatura: sravnitel'no-istoričeskij podhod. Issledovaniâ raznyh let*. Ufa: RIO BašGU [Назирова, Р.Г. (2005). *Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет*. Уфа: РИО БашГУ].
- Pis, R. (1997). «Krotkaâ» *Dostoevskogo: râd vospominanij, veduših k pravde*. V: Budanova, N.F., Âkubovič, I.D. (Red.). *Dostoevskij. Materialy i issledovaniâ*. Т. 14. Leningrad: Nauka: 187–196

- [Пис, Р. (1997). «Кроткая» Достоевского: ряд воспоминаний, ведущих к правде. В: Буданова, Н.Ф., Якубович, И.Д. (Ред.). *Достоевский: Материалы и исследования*. Т. 14. Ленинград: Наука: 187–196].
- Poddubnaâ, R.N. (1978). *Geroj i ego literaturnoe razvitie. (Otraženie «Vystrela» Puškina v tvorčestve Dostoevskogo)*. V: Fridlender, G.M. (Red.). *Dostoevskij: materialy i issledovaniâ*. Т. 3. Ленинград: Наука: 54–66. [Поддубная, Р. Н. (1978). *Герой и его литературное развитие. (Отражение «Выстрела» Пушкина в творчестве Достоевского)*. В: Фридендер, Г. М. (Ред.). *Достоевский: материалы и исследования*. Т. 3. Ленинград: Наука: 54–66].
- Puhačev, S.B. (2006). *Poëtika žesta v proizvedeniâh F. M. Dostoevskogo (na materiale romanov «Prestuplenie i nakazanie», «Idiot», «Besy», «Podrostok», «Brat'â Karamazovu»): Avto-ref. dis. ... kand. filol. nauk. Velikij Novgorod* [Пухачев С.Б. (2006). *Поэтика жеста в произведениях Ф.М. Достоевского (на материале романов «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород*].